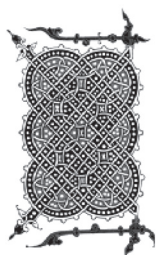

© 2021 Н. Т. Энеева
Москва, Россия

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О М. М. ГРОМЫКО КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена роли славянофильской проблематики в становлении отечественной исторической науки 1990-х – 2010-х годов. Апробированная почти двумя столетиями историософско-богословской дискуссии, эта проблематика явила себя на исходе XX столетия как преимущественно экклезиологическая – как насущные вопросы личностного и общественного воцерковления. Существенное значение в этом процессе имеет воссоздание адекватного научного языка и понятийного аппарата для описания роли Церкви и народной религиозности в формировании национального самосознания и религиозно-культурной общности. Подчеркивается, что в данной концепции история Церкви и народа как ее носителя – «народа-богоносца» – предстает не в качестве локальной темы, но как основной сюжет и сущностный смысл мирового исторического процесса.

Ключевые слова: «славянофильство», экклезиология, Церковь, соборность, Церковное Предание, «народ-богоносец», русская религиозно-философская мысль, «патристическое возрождение», народная религиозность, воцерковление.

Энеева Наталья Тимуровна (Eneeva Natalia Timurovna) – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Центра по изучению истории религии и Церкви Института всеобщей истории Российской академии наук, eneeva-nt@yandex.ru

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2021. № 27. С. 33–38

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 0.09; 82.941; ББК – 63.3; 86.372; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2021-27/33-38>

«Царствие Божие <...> подобно закваске, которую женщина положила в три меры муки, доколе не вскисло все» (Лк. 13:18–21)

Автору этих строк довелось в 1970-х годах, находясь в музее-усадьбе Абрамцево, в кабинете Сергея Тимофеевича Аксакова, выслушать импровизированный рассказ Марины Михайловны о «западниках» и «славянофилах», который она завершила словами: «мы – славянофилы!».

Марина Михайловна Громыко является, безусловно, тем человеком, которого можно назвать «подвижником благочестия», то есть человеком, исповадавшим и служившим определенным нравственным, общественным, духовным идеалам и старавшимся осуществлять вытекавшие из этих идеалов принципы в своей собственной жизни. Речь в данном случае должна идти именно о целомкупном жизненном подвиге, совершенном не только на научном поприще, но в объеме всей жизни – и в душевной, и в духовной ее сферах.

Как мыслитель Марина Михайловна принадлежала к направлению русского славянофильства. Гоголь, Хомяков, Аксаковы, Достоевский определяли первоначальную интенцию ее деятельности в области русистики. В дальнейшем ход ее мысли шел к «истокам» и «основам», которыми были Православие и Церковь. Последние 30 лет ее жизни были посвящены, по сути, «воцерковлению», прежде всего личному; наука, с которой она никогда не расставалась, шла следом. И в этой связи представляется, что этот ее личный подвиг «нарочитого» воцерковления некими сокровенными нитями связан с общей интенцией духовной жизни современного Христианского мира.

По словам В. Н. Лосского: «Основная догматическая тема нашего времени – учение о Церкви» (Лосский 1996: 74); христианская богословская мысль XIX–XX вв. развивается под знаком экклезиологии. Понятие «Церковь» стало в XX в. тем полем, на котором оказалась возможной реальная, глубинная, сущностная встреча Восточного и Западного христианства, фундаментом и основой для которой стало так называемое «патристическое возрождение», произошедшее на Западе не без существенного влияния русской мысли, принесенной в Европу и Америку русскими послереволюционными эмигрантами. В самой России «патристическое возрождение» происходило на протяжении всего XIX в., благодаря прежде всего деятельности русских святителей и преподобных духовных старцев. Однако важно отметить, что в этот процесс большой и очень своеобразный вклад внесла и русская интеллигенция – и именно та ее часть, которую с большой долей условности принято называть термином «славянофилы».

Неоднократно отмечалась неадекватность и случайность этого наименования. По словам Ивана Сергеевича Аксакова, в 1830-х годах русское «общество распадается на два стана: “западников” и “восточников”; за последними утверждается прозвище “славянофилов”, данное им в насмешку петербургской журналистикой» (Аксаков 1981: 309). В какой-то мере можно, наверное, даже сказать, что термин этот в значительной степени дезориентирует восприятие того явления культурно-общественной и духовной жизни, которое за ним стоит. По словам того же И. С. Аксакова: «Самое прозвище “славянофильство” может быть покинуто и забыто» (Аксаков 1981: 310). Как кажется на первый взгляд, термин этот указывает на достаточно локальное явление, на определенную этническую группу, сосредоточенную на проблемах сугубо национальных. В то же время общеизвестно, что так называемые «славянофилы» имели не худшее, если не лучшее, чем «западники», европейское образование; они не хуже знали и, главное, ценили и даже любили Европу. Страстная поддержка ими Гоголевских «Мертвых душ» свидетельствует о том, что они были в высшей степени далеки и от идеализации современной им национальной действительности. Так в чем же заключается реальное содержание того культурного явления, которое мы знаем под именем «славянофильство»?

Чрезвычайно важно, как нам кажется, отметить, что реальное значение и смысл этого общественного движения становятся тем более очевидными, чем больший временной период отделяет нас от времени его зарождения. Еще в 1874 г. Иван Аксаков сказал без преувеличения пророческие слова: «Само это учение... как учение, никогда не было популярным, да и не было вполне сформулировано... славянофильские издания расходились вообще в малом количестве... но действие их... было неотразимо, хотя и не быстро». Славянофильство «не только исторический момент уже отжитый, но и пребывает и пребудет в истории нашего и дальнейшего умственного развития – как предъявленный неумолкающий запрос, как постоянный двигатель и указатель» (Аксаков 1981: 309–310).

С временной дистанции почти в два столетия очевидным становится, что под именем славянофильства в 1830-х – 1840-х годах в России был дан импульс новому воцерковлению общества, которое пошло, постепенно набирая силу, параллельно с уже действовавшим в российском обществе, вслед за Европой, процессом стремительного расцерковления и секуляризации культуры, несшим в себе основания в дальнейшем для потрясения общественных и государственных основ.

Одним из важнейших факторов противодействия секуляризации стало осуществлявшееся «славянофилами» акцентирование внимания на самом понятии «Церковь», исследование самой Ее природы, богословского и духовного, жизненного содержания этого понятия. По словам Владимира Сергеевича Соловьева, именно «введение понятия Церкви в наше религиозное сознание есть главная и неотъемлемая заслуга славянофильства» (Соловьев 1901: 223). Той же точки зрения придерживается и Сергей Иосифович Фудель: «Возврат к чистому христианству – вот что такое старое славянофильство <...> всю широту понятия истинного христианства славянофилы уместили в ясное определение Церкви как богочеловеческого организма, то есть вернули экклезиологию к ее первоисточнику – к учению апостола Павла» (Фудель 2009: 109). «Хомяков весь есть мысль о Церкви... – пишет о. Павел Флоренский. – Русская богословская мысль... приняла так или иначе учение Хомякова... все свежее в богословии так или иначе преломляет хомяковские идеи» (Флоренский 1916: 527; цит. по: Фудель 2005: 8).

Исследуя различия Восточного и Западного христианства, славянофилы артикулировали несколько идей, ставших сквозными и конструирующими для богословия XX столетия. Одна из этих мыслей была связана с исключительным значением, которое имеет в системе православного мировоззрения Церковное Предание: история Церкви, которая, по апостольскому слову, есть «Тело Христово», является непосредственным продолжением земной жизни самого Христа после Его вознесения, а точнее – самой этой жизнью в современности. («Уже не я живу, – говорит тот же апостол, – а живет во мне Христос» [Гал. 2: 20].) Из этого следует, что единственным подлинным субъектом мировой истории является именно Церковь – начиная с первой Церкви в раю и кончая Церковью, воссозданной благодаря Голгофской жертве Спасителя, история которой продолжается доньше.

Другая мысль связана со знаменитой славянофильской идеей «соборности»: высшие христианские духовные ценности и наивысший духовный опыт, по Алексею Степановичу Хомякову, доступны только переживанию «соборной личности», то есть – Церкви. Интересно, что, формулируя эту мысль, Хомяков ссылаясь на послание Восточных Патриархов 1848 г., в котором говорилось, что «хранение истины вверено не одной иерархии, а всему церковному “исполнению”». «Это есть неоспоримый догматический факт, – пишет Хомяков. – Восточные Патриархи, собравшись на собор со своими епископами, торжественно провозгласили в своем ответе на окружное послание Пия IX, что “непо-

Марина Михайловна Громыко и Наталья Тимуровна Эннеева у могилы протоиерея Николая Педашенко на Ваганьковском кладбище. 2000 г.
Фото из архива Н. Т. Эннеевой

грешимость почитает единственно во **Вселенскости** Церкви, объединенной взаимной любовью, и что неизменяемость догмата, равно как и чистота обряда, вверены охране не одной иерархии, но всего народа церковного, который есть тело Христово”. Это формальное объявление всего восточного клира, принятое местной Русскою Церковью, приобрело нравственный авторитет вселенского свидетельства» (Хомяков 1994: 48–49).

С этими двумя идеями – Церкви как Тела Христова и соборности как «модуса» Ее осуществления и существования в земной истории – и связано славянофильское понятие «народа-богоносца», о котором Федор Михайлович Достоевский говорил словами своего героя старца Зосимы: «От народа спасение Руси... Берегите же народ и оберегайте сердце его... Сей народ – богоносец» (Достоевский 1895: 374).

Постепенно все «позитивное» русское свободное, «нешкольное» философствование было пропитано теми интенциями, которые задали русскому интеллектуальному сознанию так называемые славянофилы. «То лучшее, что думается относительно русской культуры, всегда органически срастается со славянофильством», – писал о. Павел Флоренский (Флоренский 1916: 525; Фудель 2005: 8).

Идеи главенства понятия Церкви, соборности, живого Церковного Предания и жизни внутри этого Церковного – продолжающегося не теоретического, но реального церковного бытия стали уже в XX в. общими для русского церковного сознания. В классических трудах выдающихся богословов русской церковной эмиграции – таких как протоиерей Георгий Флоровский, Владимир Николаевич Лосский и др. – этот круг понятий органически влился в обновленную так называемым «патристическим возрождением» XX в. православную богословскую систему, в «школьный компендиум».

Но и в России, несмотря на долгую невозможность развития официального богословского образования, традиция мышления, почерпнутая из последнего периода предреволюционной России, продолжала существовать. Вот, например, как митрополит Питирим (Нечаев) суммирует принципы, на которые Святейший Патриарх Алексий I ориентировал преподавателей и студентов возрождающихся в послевоенные годы Духовных школ: «Во-первых, дух церковности. Святейший Патриарх Алексий ввел этот термин в наш обиход, и понятие “церковность” было для нас как бы ключом ко всей нашей работе <...>. Во-вторых, духовная мудрость. Духовная мудрость и церковность отличали Святейшего Патриарха Алексия» (Русь уходящая 2019: 485–486). Показательно, что в разгар «хрущевских гонений» в своей знаменитой речи 1960 г. в Колонном зале Дома союзов на конференции по разоружению Святейший Патриарх Алексий I в сущности всю позитивную, победоносную и созидательную историю России поставил в церковный контекст, представил выросшей «изнутри Церкви», как часть и следствие собственно духовной и Церковной истории страны: «Моими устами говорит с вами <...> та самая Церковь, которая на заре русской государственности содействовала устройению гражданского порядка на Руси, укрепляла христианским назиданием правовые основы семьи <...>. Это та самая Церковь, которая создала замечательные памятники, обогатившие русскую культуру и донныне являющиеся национальной гордостью нашего народа. Это та самая Церковь, которая в период удельного раздробления русской земли помогла объединению Руси в одно целое, отстаивая значение Москвы как единственного церковного и граж-

данского сосредоточения Русской земли. <...> Это она служила опорой русскому государству в борьбе против иноземных захватчиков» (Цытин 2006: 512).

Таким образом, одним из невероятных подвигов Русской Церкви на Родине в эпоху репрессий и гонений было то, что она всегда сохраняла живое преемство традиции церковного мышления: «Принятую от святых апостолов (2 Фес. 2: 15) верность священному церковному Преданию, как залог православной верности самому Господу Иисусу Христу, русская богословская мысль блюдет как зеницу ока во всех творческих порывах и дерзаниях. <...> Непокколебимая же верность Преданию Церкви обеспечивает современному творческому богословскому сознанию целостность и благодатное духовное и идейное единство с сознанием апостольским, с сознанием Отцов Церкви. Так осуществляется в богословии священный принцип соборности, гарантирующий богословию подлинную православность. В этом заключается смысл полученного нами также и от блаженной памяти Патриарха Сергия (Страгородского) богословского завета: богословствовать из опыта духовной жизни. Он имел в виду соборный святоотеческий опыт и, разумеется, не в одной аскетике, а в полном объеме, который содержит в себе живую силу и правду Православия в жизни и вере. Живую силу и правду его бережно-благоговейно всегда хранила, всегда несла и несет в жизнь, к жизни обращенная, отечественная, наша русская богословская мысль» (Шпиллер 1999: 8).

В то же время трагизм отечественной культурной парадигмы заключался в том, что светская историческая наука советского периода на протяжении десятилетий исключала всякую возможность донесения до читателя и слушателя подлинного русского духовного опыта, выстраданной столетиями созидательной исторической мысли. Одним из категорических запретов было рассмотрение русского народа как религиозного типа, исследование положительным образом народной религиозности. Здесь традиция мысли была прервана, и тем, кто обращался к этой теме на исходе 1980-х – в начале 1990-х годов, приходилось не просто начинать почти с нуля, но и преодолевать отсутствие адекватного понятийного аппарата и адекватного восприятия и приятия этих идей всей структурой «советского» гуманитарного знания. Это тоже было делом подвига, и одним из тех, кто вынес его на своих плечах в Российской академии наук, была Марина Михайловна Громыко.

Безусловной заслугой деятельности М. М. Громыко (не говорим – просто научной, но – духовно-научной) было создание определенного поля, пространства мысли, освобожденного от тех штампов и клевет, которые десятилетиями и даже веками

собирались в научном сообществе определенным типом специалистов по истории России – учеными прозападного и нигилистического направлений. По сути, ее труды по истории русских сословий были своего рода «расчисткой», «отмывкой», «реставрацией» в сознании современников образа «Святой Руси» – образа, на котором держалось русское самосознание, русская идентичность, а следовательно, и государственный суверенитет. Это было великое патриотическое служение ученого, опиравшегося на факты и стремившегося не к продвижению неких идеологем, но к восстановлению реальной картины жизни.

В заключение приведем несколько дарственных надписей, сделанных Мариной Михайловной на своих публикациях для ближайших своих друзей:

«...Еще крупница о милой сердцу старой России

М. Громыко 26/IV–74» (на издании: Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период)). Новосибирск, 1974).

«И еще о купцах. М.» (на издании: Вопросы истории Сибири досоветского периода. Бахрушинские чтения 1969. Новосибирск, 1973).

«...Здесь есть кое-что о “ленивом” сибирском мужике. М.» (на издании: Известия Новосибирского отдела Географического общества СССР. Вып. 6. Новосибирск, 1973).

«...Рада, что могу подарить вам свою статью о крестах у богатырей. Марина. 3/III–85. День Торжества Православия» (на издании: Громыко М. М. Обычай побратимства в былинах // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов / ред. Б. Н. Путилов. Л., 1984).

Источники и материалы

«Русь уходящая». Рассказы митрополита Питирима (Нечаева) о Церкви, о времени и о себе, записанные Т. Л. Александровой и Т. В. Суздальцевой. М., 2019.

Аксаков И. С. Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк // Аксаков К. С. И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981.

Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. СПб., 1895.

Научная литература

Лосский В. Н. Спор о Софии // Лосский В. Н. Спор о Софии. Статьи разных лет. М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1996.

Соловьев Вл. История и будущность теократии // Соловьев Вл. Полное собрание сочинений. Т. 4. СПб., 1901. Флоренский П., свящ. Рец. на: Завитневич В. З. Алексей Степанович Хомяков. Киев, 1902. Т. 1; 1913. Т. 2 // Богословский вестник. 1916. Июль–август.

Фудель С. И. Воспоминания. М., 2009.

Фудель С. И. Славянофильство и Церковь. 2005. https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/slavjanofilstvo-i-tserkov/ Хомяков А. С. Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г-на Лоранси // Хомяков А. С. Сочинения в двух томах. Т. 2. Работы по богословию. М.: Московский философский фонд; Издательство «Медиум»; журнал «Вопросы философии», 1994.

Цыпин Владислав, прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. (1700–2005). М.: Издательство Сретенского монастыря, 2006.

Шпиллер Всеволод, протоиерей. Набросок предисловия к «Богословскому сборнику» // Богословский сборник 2. М., 1999.

References

Florenskii, P. 1916. Review of *Aleksei Stepanovich Khomiakov* [Alexey Stepanovich Khomyakov], by V. Z. Zavitnevich. *Bogoslovskii vestnik* July – August.

Fudel', S. I. 2005. *Slavianofil'stvo i Tserkov'* [Slavophilism and the Church]. https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Fudel/slavjanofilstvo-i-tserkov/

Fudel', S. I. 2009. *Vospominaniia* [Memories]. Moscow.

Khomiakov, A. S. 1994. *Neskol'ko slov pravoslavnogo khristianina o zapadnykh veroispovedaniakh*. Po povodu broshiury g na Loransi [A few words of an Orthodox Christian about Western confessions. Concerning Mr. Laurency's brochure]. In *Khomiakov A. S. Sochineniia v dvukh tomakh*. T. 2, *Raboty po bogosloviu* [Khomyakov A.S. Works in two volumes. Vol. 2, Works on theology]. Moscow: Moskovskii filosofskii fond; Izdatel'stvo «Medium»; zhurnal «Voprosy filosofii».

Losskii, V. N. 1996. *Spor o Sofii*. In *Losskii V. N. Spor o Sofii. Stat'i raznykh let* [The dispute about Sophia. Articles of different years]. Moscow: Izdatel'stvo Sviato Vladimirskogo bratstva.

- Shpillar, Vsevolod, protoierei. 1999. Nabrosok predisloviia k «Bogoslovskomu sborniku» [A sketch of the preface to the «Theological collection»]. *Bogoslovskii sbornik* 2. Moscow.
- Solov'ev, Vl. 1901. Istoriia i budushchnost' teokratii [History and future of theocracy]. In *Solov'ev Vl. Polnoe sobranie sochinenii* [Soloviev Vl. Full composition of writings]. Vol. 4. St. Petersburg.
- Tsypin, Vladislav. 2006. *Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi: Sinodal'nyi i noveishii periody. (1700–2005)* [History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Contemporary Periods. (1700–2005)]. Moscow: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyria.

A FEW WORDS ABOUT M. M. GROMYKO
AS A REPRESENTATIVE OF THE SLAVOPHILIAN DIRECTION OF RUSSIAN CULTURE

Annotation. The article is devoted to the role of Slavophil problems in the formation of Russian historical science in the 1990s – 2010s. Approved by almost two centuries of historiosophical and theological discussion, this problematic showed itself at the end of the twentieth century as primarily ecclesiological – as pressing issues of personal and social churching. Recreation of an adequate scientific language and conceptual apparatus for describing the role of the Church and popular religiosity in the formation of national identity and religious and cultural community is essential in this process. It is emphasized that in this concept the history of the Church and the people as its bearer – the «God-bearing people» – appears not as a local theme, but as the main plot and essential meaning of the world historical process.

Key words: «Slavophilism», ecclesiology, Church, conciliarity, Church Tradition, «God-bearing people», Russian religious and philosophical thought, «patristic revival», folk religiosity, churching.

